

МАРИНА ШАМСУТДИНОВА

МЫ, ВЫЖИВШИЕ В ДЕВЯНОСТЫЕ

ЕВРАЗИЙКА

Я — Евразийка, всем своя невеста.
В скелете тонком моим генам тесно.
Меня прабабки круто замесили
На пересылках кочевой России.
С земных глубин вздымается порода,
В одну сливается вся уймища народа.
Все вплавились в меня, сваялись и сплелись.
Такая глубь во мне, попробуй, оглянись!

* * *

Пескобетонная архитектура,
Глина, раскрашенная, как металл,
В глиняной жиже торчит арматура,
Тот неудачник, кто не украл.

ШАМСУТДИНОВА Марина Сагитовна родилась в 1975 году в Иркутске. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Печаталась в журналах "Сибирь", "Наш современник", "Созвездие дружбы" и "Первоцвет", в других периодических изданиях. Автор книг стихов "Солнце веры" (2003) и "Нарисованный голос" (2007). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Небо подпёрли песчаные глыбы,
Палки и тряпки торчат из щелей,
Вы ещё выше построить могли бы,
Лозунгу вторя, — “Жульё для людей”.

Ваша песчаная архитектура,
Каменный ценник — картонный фасад.
Скажут потом: “Виновата структура;
Взятка, что сладка; чиновничий зад”.

Стоить и строить дворцы на трёх сотках,
В тыл, упираясь другому дворцу.
(Забор под три метра, блондинка-молодка,
Дочь, что в правнучки годится отцу.)

В городе только холодные мощи
Пыльных, захватанных серых дворцов.
Пивом на розлив запружена площадь,
Нет ни травинки, ни птиц, ни садов.

Воздух фильтрует за деньги машина,
А за забором на вилле своей,
Спит с автоматом в обнимку детина,
Лозунг придумавший: “Всё для людей!”

(Вольный стих)

Мы дети, выжившие в девяностые, —
Депутаты делили власть,
Не могли накричаться всласть,
Затевая дебаты острые.
Мы пили из майонезных баночек суп,
Бесплатно в школах раздаваемый от бескормицы,
От всех болезней — анальгин был только в больнице.
Мы мечтали отоварить по талонам колбасу,
А ещё нам безумно хотелось конфет,
Любых, даже батончиков без бумажки;
Родители выглядели уставшими,
Глядя в наши голодные желторотые рты;
говорили: “Нет!”
Нет конфет, мяса — нет, хлеба — нет.
Есть — винегрет
Из домашней картохи, свеклы, огурцов...
Мы не видели дома голодных отцов,
Равнодушно спивавшихся по гаражам;
Им нечего было дать нам, они напивались в хлам.
Нас для них стало слишком много,
Кормить нас было дорого,
Водка была дешевле, они напивались без цели.
Нас кормили голодные матери,
Посылая отцов по матери.
Некоторые залезали в петлю,
С запиской: “Не прокормлю!”
Детдомов тогда открывалась тьма —
Нас толпой возвращали стране, государству.
Детсады превращали в детдома,
Нам светила колония да тюрьма.
Государя заступали на царство,
Плодилось новое барство...

Мы хотели поступить в ГПТУ;
Спецодежда, бесплатный “хавчик”.
Там любой упакованный мальчик
Осуществлял свою мечту.
Было модно носить телогрейки,
Катанки-валенки; картонные наклейки
Становились качками. Шапки-пидораски
Защищали мозги от тряски;
На нас испытывали новый героин,
И дольф лунгрэн был нашим героем,
И грудастая сабина украшала каждый туалет;
Нам говорили: “Ничего интересного нет!”
Но у нас был свой интерес,
Мы знали уже, что в России есть секс!
А где-то есть колбаса.
До Москвы электричкой четыре часа —
И у вас уже есть колбаса!
В сытых городах очередь требовала прописку
При покупке колбасы;
Мы говорили: “Дядя, не ссы!
Мы живём за углом, здесь близко!”
Вот такие у нас были шутки.
Мальчиков забирала армия,
Девочки шли в проститутки —
Заработать на жизнь достойную.
Затевались новые войны.
Нас всё равно было слишком много...

Сейчас нам уже под тридцать,
Мы полноценные единицы.
Тем, кому повезло уцелеть и не спиться,
Предлагают за деньги плодиться,
Готовят четвёртый на нашей памяти кризис.
У власти шесть тезисов, как катехизис.
Зарплаты замораживают понемножку —
Нам уже наплевать!
На все фокусы власти мы отвечаем одним:
Угрюмо садим картошку!
Нас по-прежнему много, мы выжили
И нарастили на душах броню,
Мы не верим новому дню!
Во славу чьих-то славных идей мы не рожаем детей!
У нас на счетах ничего не сгорит,
Потому что нет ничего!
И пока у нас ничего не болит,
Мы празднуем над властью своё торжество!